

Но в области графики могут быть явления, относящиеся к тексту. Так, Н. М. Карамзин часто пишет с прописной буквы некоторые слова — Республика, Гражданин и пр. Это имеет элемент смысла. Футуристы в первой четверти XX в. пользовались различными шрифтами, чтобы выделить в тексте отдельные части, разбить цельность текста. И здесь шрифт имеет отношение к тексту. В древнерусских текстах имеют смысловое значение буквы, слова и строчки, выделенные киноварью.

А как быть с проявлениями малограмотности писца, неумением его передать на письме текст? Это вопрос самый сложный. Во-первых, текстолог должен точно определить, что он понимает под проявлениями «малограмотности». Для древнего периода это понятие не так просто определимо. Во всяком случае, неустойчивость орфографии писца в древнем периоде к проявлениям «малограмотности» не относится. Вместе с тем в «малограмотностях» часто отражается язык писавшего, его живое произношение, синтаксис разговорной речи; поэтому «малограмотность» часто является фактом языка. Язык же, как мы уже сказали, — это форма текста. Поэтому правильнее делить «малограмотность» на «малограмотность» языковую и «малограмотность» графическую (неумение буквами выразить текст — постановка одной буквы вместо другой, или целой группы букв вместо других). Первая «малограмотность», отраженная в письме, — безусловно явление текста. Вторая «малограмотность» может быть признана явлением текста только в том случае, если она носит систематический характер и в какой-то мере является отражением в тексте индивидуальности писца.

Итак, текст — понятие очень сложное. Это понятие требует еще своего изучения¹. Основное, что отделяет текстовые явления от нетекстовых в списке произведения, — это их языковая сущность. К явлениям нетекстовым относится все то, что не может быть признано языковым выражением определенного смыслового ряда.

Произведение

Для текстолога очень важно найти объективные признаки произведения: те, которые позволили бы считать, что не только им некое текстовое целое признается за отдельное произведение, но, главное, и его творцами — авторами, редакторами, переписчиками и т. д. Таким признаком отдельности произведения служит самостоятельность изменений его текста относительно других соседних в рукописной традиции. Допустим, какое-либо летописное повествование не встречается в отдельном виде и изменя-

¹ Советских работ, анализирующих понятие «текст» в разных аспектах, в последние годы появилось довольно много. Из зарубежных исследований укажу на книгу: *H. J. Pos. Kritische Studien über Philologische Methode. Heidelberg, 1923. S. 65.* — У Пosa понятие «текст» рассмотрено под углом зрения гуссерлианства.

ется только вместе со всей летописью. Оно не может быть признано за отдельное произведение, каким бы законченным и «сюжетным» нам ни казался его текст. В новое время с определением произведения дело обстоит проще — его обособленность от остального текста подчеркнута типографскими средствами, стабильным названием и пр. (в текстах древних и средневековых название — самая изменчивая часть произведения).

С текстологической точки зрения произведением следует называть текст, объединенный единым замыслом (как по содержанию, так и по форме) и изменяющийся как единое целое. Я подчеркиваю последнее (изменение как единого целого) как наиболее важное для текстолога, позволяющее считать, что текстовое целое осознавалось как особое произведение в прошлом.

По-видимому, следует признать, что произведение, его единство могут быть выражены с различной степенью интенсивности. Кроме того, произведения различно соприкасаются между собой, входят в соединения, вливаются в состав более крупных произведений. В литературе нового времени вопрос о том, что признавать за произведение, находится в непосредственной связи с вопросом о композиции сложных произведений, о циклизации (например, у Салтыкова-Щедрина он находится в тесной связи с вопросом о соединении в циклы и распадения этих циклов). В древних текстах может быть отмечен особый «синтаксис» произведений: произведения могут быть «придаточными», составлять «подчинения» и «сочинения», соединяться с помощью «союзов» («союзом» служит мотив, на который они нанизываются) и пр. Степень самостоятельности произведения определяется степенью его изменений как целого. Текстолог не имеет права изучать историю текста произведения, если оно никогда не обладало самостоятельностью развития. Текстолог должен изучать историю текста произведения в составе более крупного произведения, если самостоятельность первого в какой бы то ни было степени ограничена вторым. Текстолог может ограничиться произведением, историей его текста, если оно было в известной мере независимо от соседних произведений в рукописной традиции.

Понятие «произведение» относительно. Практически оно необходимо историку текста только тогда, когда произведение обладает этой историей текста, в той или иной степени самостоятельной от других текстов, обладает собственной «текстологической судьбой» — своими редакциями, видами текста, изводами, встречается в списках в самостоятельном виде и способно отделяться от своего текстового окружения.

В текстологической практике нередки случаи, когда за одно произведение признавались два различных памятника, объединенные в рукописях, и, наоборот, когда за два произведения признавался один памятник, случайно разделенный в рукописях. Часты случаи и признания за цельный памятник почему-либо сохранившейся части произведения. Во всех этих случаях движение текста надежнее всего определяет произведение; границы произведения — границы его относительно самостоятельной изменчивости.